

Фалькович М.И.

ВАЖНО НЕ СКОЛЬКО, А КАК ПРОЖИТЬ.

Мне 85 лет, из них 65 лет в рядах КПСС. Большую часть жизни была связана с молодежью, жила ее делами и надеждами. Мне дороги воспоминания об этом времени.

Я посчитала своим долгом рассказать кратко о том, как жило мое поколение, поколение первых комсомольцев, коммунистов ленинского призыва.

1 страница жизни.

Окончив в 17 лет 3-месячные курсы красных сестер, отправляюсь на польский фронт медсестрой и политбойцом. Мы были охвачены таким революционным энтузиазмом, который вызывал восхищение и отцовскую любовь у наших старших товарищей. И меньше, чем на мировую революцию, мы не рассчитывали.

На фронте в 7 Краснознаменной имени Югостали дивизии я вскоре познала радость первых побед, страдание и горе от гибели наших бойцов.

Когда на моих руках умирал красноармеец, раненный в живот, перевязывая его, я горько плакала, а боец до последней минуты своей жизни бредил фронтом и матерью.

Очень запомнилось, как бойцы, голодные, разутые, и подчас вшивые, боролись за советскую власть. Готовность отдать свою жизнь за Родину охватывала всех нас. Мы гордились, что являемся участниками революционных событий. Самым любимым головным убором, самым красивым на свете убором, была для нас издававшая виды «будёновка» из колючего шинельного сукна.

Молодое поколение выросло в ненависти ко всему костному, обывательскому, цепляющемуся за старые порядки свергнутого царского строя.

У нас не было сомнений в победе. Десятки километров мы вышагивали с песней: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...»

Сейчас, через десятки лет, кажутся удивительными такие разные, казалось бы, несоединимые черты нашей молодежи: мечтательность и действительность, любовь к добру и беспощадность, широта души и трезвый расчет, страстная любовь к радостям земным и самоограничение.

Все эти черты создали неповторимый облик нашего поколения.

2 страница жизни.

На призыв Ильича «Учиться, учиться и учиться коммунизму» - мы ответили в 20-х годах поступлением на рабфаки, чтобы быть грамотными строителями нового социалистического общества, начало которому положила в октябре 1917 года невиданная в мире революция. Какая высокая нравственная сила владела нами!

Я ушла на комсомольскую работу завполитпросветом в селах Шевченковского округа. Этот округ с городом Корсунь был богат «медвежьими углами». Мы создавали в селах комсомольские ячейки, вели антирелигиозную пропаганду, выпускали рукописный журнал «Активист» и отправляясь с ним за 30 – 40 км пешком, проводили в селах диспуты на темы: «Девушка и комсомол», «Молодежь и церковь», «Чему и как учиться молодежи» и другие.

Сколько радости мы испытывали, когда наши слова доходили до сознания слушателей! И сколько горя приносила нам смерть нашего товарища от руки кулака... Нам, конечно, было страшно. Кулаки не раз стреляли в нас. Но понимание важности нашей просветительской работы, долг перед Родиной, комсомолом, перед партией Ленина, помогли нам преодолеть страх и продолжать настойчивую борьбу за сердца и умы жителей сел.

Комсомольцы, как и все сознательные советские люди, стремились «сказку сделать былью» и, по словам М. Горького, светили друг другу.

Были, к сожалению, среди нас люди мелочные, недобрые. Но их было значительно меньше, чем людей, одержимых идеей борьбы за счастье трудового народа. Мы хотели и старались быть хотя бы немного похожими на Ленина - во всех своих устремлениях и поступках.

В округе, на селе, я вступила в 1923 году в кандидаты, а в 1924 году была принята в члены КПСС.

Уже работая в Киевском обкоме ЛКСМ(У), я поступила на рабфак Киевского политехнического института, а позже – в Харьковский авиаинститут, который окончила в 1930 году по специальности инженера самолетостроения.

В 1924 году я была делегатом Всеукраинского съезда Советов. И, когда вечером во время заседания съезда вошел в президиум Григорий Иванович Петровский и с огромной скорбью объявил, что умер Ленин, трудно было рассказать, что было в зале. Все поднялись, ринулись со слезами на глазах в президиум, беспартийные просили принять в партию. Это никогда не забудется. Съезд прервал свою работу, а осиротевшие делегаты разъехались

по местам.

На смерть вождя трудящиеся ответили еще большим сплочением вокруг партии. Сотни тысяч человек во время Ленинского призыва вступили в партию. Наш народ решил работать так, как завещал Ленин.

Ускоренными темпами стало развиваться разрушенное войной народное хозяйство, страна покрывалась сетью новостроек. Народ был охвачен невиданным трудовым энтузиазмом, творческим порывом, стремлением открыть, понять и построить. Рождались Магнитка, Днепрогэс, строился Комсомольск-на-Амуре и др.

Комсомольцы вместе с коммунистами шли в первых рядах строителей нового общества. Из среды комсомола вышло много героев труда, крупных ученых и инженеров, писателей и артистов, полководцев и руководителей страны, много замечательных людей.

Но картина всеобщего трудового, творческого и культурного подъема страны омрачалась борьбой Троцкого и его сторонников за лидерство в партии и государстве.

О Ленине всё реже стали говорить и печатать его портреты. Помню стихи поэта Полетаева:

«Портретов Ленина не видно,
Похожих не было и нет...
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет!»

На наших глазах выдвинутая Сталиным коллективизация сельского хозяйства (по словам Сталина – революция сверху) проводилась с применением принуждения, с грубейшими нарушениями ленинского кооперативного плана. Крестьяне лишались средств производства и превращались в почти бесправных сельских работников, мало заинтересованных в результатах своего труда.

Вспоминаю голод 30-х годов, когда вымирали целые деревни. Многие крестьяне уезжали в город, на предприятия, не имея никакой специальности и следовательно, работали с низкой производительностью труда.

В 30-е годы мой муж Светов С.А. был направлен начальником политотдела МТС, и я с годовалым ребенком выехала с ним в село Новошрамковка и стала там работать секретарем парторганизации сахарного завода.

Началась очень тяжелая пора в жизни страны и партии, когда уважение к руководителю партии переродилось в обожествление одной личности – Сталина. Мы – молодые коммунисты, стремились в жизни и в работе следовать заветам Ленина. В этом нам помогали коммунисты ленинской гвардии, в том числе незабвенный Павел Петрович Постышев, который тогда

был секретарем ЦК КП(б)У.

Иваново-вознесенский ткач, член партии большевиков с 1904 года, участник революций 1905 и 1917 годов, он воспитывал в нас любовь к трудовому народу и нашей Родине, преданность делу Ленина и международной солидарности трудящихся. Он очень любил детей и ввел в жизнь встречу Нового года с ёлкой. Сколько радости дал он детям! А нас, молодых коммунистов, он растил на партийной работе.

Павел Петрович погиб в годы репрессий 30-х годов, но память о нем, настоящем большевике, отличном воспитателе молодежи, сохранится в наших сердцах.

Дело Ленина продолжало жить и развиваться в героических делах нашего народа. Сталин же упрочил свое влияние в партийном и государственном аппарате и в силу своих отрицательных качеств и увлечения администрированием, в стремлении сохранить и укрепить свою личную власть, стал все более отходить от демократических методов управления партией и государством.

Сбылось предвидение Ленина. К сожалению, его «Письмо съезду» на XI съезде не обсуждалось, а только зачитывалось Каменевым, Зиновьевым и Сталиным по делегациям, а не на заседании съезда. Среди делегатов распространилось мнение, что последние статьи Ленин писал, будучи очень больным. «Письмо съезду» было опубликовано лишь в 1956 году.

В 1935 году мой муж Светов С.А. (член КПСС с 1925 г.) был отозван из МТС в Киевский обком КПСС для работы парторгом ЦК КП(б)У на заводе «Арсенал», а меня Киевский горком КПСС назначил директором городской школы марксизма-ленинизма. В этой школе я вела курс истории партии. Я с жадностью стала вновь изучать сочинения Маркса, Энгельса, Ленина.

3 страница жизни.

Но вот наступил страшный 1937 год. О репрессиях в стране мы знали уже в 1934 году после гибели С.М. Кирова. Но это были еще не массовые репрессии. А в 1937 году они прокатились волной по всей стране. В ночь на 11 июня 1937 года в городе Киеве было арестовано половина членов парторганизаций, много беспартийных, в том числе не только руководители, но и просто рядовые коммунисты и беспартийные. Все они были оклеветаны секретарем обкома Кудрявцевым.

Эти репрессии коснулись и моей семьи. Арестовали моего мужа Светова С.А., работавшего до ареста начальником Главлита Украины, моего брата Фальковича З.И., коммуниста с 1918 года, который в годы гражданской

войны был начальником политотдела 58-й Краснознаменной дивизии, потерял руку, а позднее был назначен директором Новокраматорского завода, а затем работал начальником главка тяжелого машиностроения под непосредственным руководством Серго Орджоникидзе. Арестовали дорогих мне честных людей.

Последние слова мужа были: «Я ни в чем не виноват. Пусть меня дети помнят таким!».

Осиротевшие дети – сын Юра шести лет, дочь Неля двух лет не могли тогда представить, какое горе обрушилось на нашу семью. Доля семьи «врага народа» не обошла нашу семью.

После ареста мужа я с двумя детьми была выселена в плохое жилье, освобождена от руководства школой пропагандистов и по существу была лишена всякой работы.

Парторганизация после ареста мужа сначала не исключала меня из партии, а так как я все время и на партсобраниях и на бюро райкома партии защищала мужа, отвергая всё, что ему приписывалось, меня исключили из партии с формулировкой: «за упорную защиту врага народа».

Жилось мне с детьми очень плохо.

По разрешению, вернее, по совету одного работника НКВД, иногда приходящего ко мне, я ежедневно сдавала в магазин произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Большую Советскую Энциклопедию и на полученные 3 рубля жила.

13 августа 1937 года перед родами ко мне пришла жена арестованного секретаря горкома партии Терехова и сказала, что жен «врагов народа» будут вывозить и что она уезжает немедленно с детьми из города. То же посоветовала и мне. Но я ей ответила: «От своей партии и государства я никуда не уеду. Что найдут нужным сделать со мною, пусть делают».

После ее ухода я очень разволновалась еще и по тому, что 6-ти летний сынишка спросил меня: «Мама, кто такие троцкисты и почему воспитательница в детсаду не разрешает детям играть со мною и говорит: «У него папа троцкист»».

Это волнение привело в тот же день к преждевременным родам 7-ми месячного ребенка – дочери Гали. О, как я желала смерти этому несчастному дитяти! Но ребенок боролся за жизнь и выжил. А когда ему было две недели, меня вызвали в НКВД и следователь сказав, что меня уважают в городе как преданного партии человека, потребовал от меня подписать заявление о том, что мой муж террорист и контрреволюционер и что я знала об этом и каюсь.

Я была глубоко возмущена, отвергла все его доводы. Тогда он заявил, что

заставит меня подписать. Он поставил меня лицом к стене и пригрозив, что будет стрелять, начал меня грязно оскорблять, как ничтожную тварь и проститутку. Он хотел сломать меня нравственно, превратить меня в безвольное, раболепное существо. Но я, сжав кулаки, вынесла эту грязь. Тогда следователь заявил, что запретит мне кормить грудного ребенка, который оставался у соседей, и посадил меня в комнату без окон, всю в красных и зеленых бликах, страшно действующих на глаза и психику человека. Но я была неумолима. Тогда он сказал: «Будешь сидеть здесь, пока не подпишешь». И закончил: «А ребенок у тебя умрет!».

Это была очень тяжелая нравственная пытка. Я сказала: «Вы можете лишиться меня троих детей, но неправды на человека, которого я знала и с кем делила горе и радость, не допущу. Делайте со мною, что хотите. Всё равно правда восторжествует!». На это следователь ответил, что привлечет меня к ответственности за обвинение органов НКВД в фальсификации документов.

А дальше всё пошло как у всех, кто носил на себе печать произвола и беззакония – «враг народа», «член семьи врага народа».

Нельзя без душевной боли вспоминать об этом жестоком времени, когда люди боялись друг друга, ложась спать не знали, будут ли жить завтра, вздрагивали от каждого звонка, стука в дверь, когда близкие друзья боялись общения с тобой.

Страх, страх, как тяжелый камень давил на сознание людей, разрушая их веру в незыблемость нравственных законов нашего общества, провозглашенных еще Лениным.

Мучительно было расставаться со стариками и двумя малыми детьми – Юрой и Нелей. Они остались на Украине у моих и мужа родителей. А я с крошечной пятимесячной Галей в числе многих сотен жен «врагов народа» была на 8 лет отправлена под строгим надзором в далекую Сибирь в район города Томска.

4 страница жизни.

В течение года (до 1939) в строгом изоляторе на окраине города Томска, где при раскулачивании в бараках размещались разные люди деревни, жили и мы, 1000 женщин с 40 ребятишками до годовалого возраста, в очень тяжелых условиях. Даже дети получали плохую пищу – манную кашу без молока и сахара и чечевицу.

Мы в изоляторе сами себя обслуживали, готовили пищу, лечили друг друга. Ведь в этом удивительном изоляторе собрался цвет женщин страны. Здесь были и врачи различные, и поэты и писатели.

Многие из нас заболели цингой и лечились соком, который приготавливали из хвои сосны. Женщины-врачи заставляли нас это делать, этим спасая нас.

Среди нас были: жены Бухарина, Якира, сестры Тухачевского и много других ответственных работников страны.

Мы были полностью лишены общения и связи с внешним миром, переживали за судьбу своих мужей, родителей и детей, о которых мы ничего не знали. Мы перед собой видели только вышки.

Запомнилось: когда открылись ворота и нас, приехавших в изолятор, впускали в него, мне открылся длинный двор, по которому беспорядочно передвигались сотни женщин.

Ко мне бросилось несколько женщин – друзей мужа, с возгласом: «Мария, и ты с нами?» Я ответила: «Я не с вами! Вы через газету отказались от своих мужей, а я пришла сюда, защищая своего мужа. По этому до конца нашей совместной жизни у меня с вами, потерявшими мужество и верность другу, не будет ничего общего!».

Все мы понимали одно: случилось что-то страшное.

В таких условиях было очень трудно сохранить душевную стойкость и веру, что этот кошмар когда-нибудь кончится.

Женщины в течение всего дня ходили и обсуждали, за что репрессировали мужей настоящих и даже тех, с кем разошлись давно.

Мои же мысли и жизнь были заняты только моим умирающим ребенком, который не имел молока, всё время плакал на руках. Друзья-врачи говорили, что спасением для ребенка может быть хорошее питание и воля.

Несмотря на тяжкие страдания, полное бесправие, многие из нас не теряли веру в победу справедливости и делали всё, чтобы не только выжить, но и быть полезными Родине. Мы занимались гимнастикой, женщины в бараке тихо пели наши прекрасные песни, организовывали на нарах самодеятельность и даже балет. Жизнь, молодость, вера в будущее брали свое.

Несмотря на то, что женщины находили себе работу по рукоделию, по уборке барачных, все томились по настоящей постоянной работе и стали настойчиво требовать отправления в трудовые лагеря. Были попытки некоторых объявить голодовку и лишиться себя жизни.

Вскоре после этого наступили перемены. Сначала из изолятора ночью увезли Бухарину, Якир и сестер Тухачевских и некоторых других жен ответственных работников. А нам объявили, что отправят в лагеря. Мы были все счастливы, что наконец-то будет определенность.

Всем выдали всё, что накопилось за год жизни в изоляторе: письма и

посылки от родных. Я ни от кого ничего не получила и думала, что старики мои умерли, а дети в детдомах.

Был солнечный день. Нас колоннами вывели из изолятора и под охраной, в сопровождении овчарок, повели к вокзалу. И каково было мне, идущей сбоку с ребенком на руках, когда рядом шли овчарки? Жители, в основном женщины и дети, выскакивали из деревянных домиков и с ужасом глядели на нас.

Шагая под конвоем и встречая испуганные и сочувствующие взгляды, мы стали понимать еще больше, до каких размеров страх и произвол охватили нашу страну. Очень больно было это сознавать.

5 страница жизни.

Итак, нас в теплушках отправили в разные города страны и различные лагеря – Колыма, Магадан и др.

Меня с ребенком и десятком женщин привезли на станцию Яя Кемеровской области в трудовые исправительные лагеря, где мы поселились на долгие годы – 8 лет.

10 ребятишек отправили в лагерный детсад, находящийся в зоне лагеря за изгородью.

В основном лагерь состоял из бытовиков и уголовников. Нас, политических заключенных, около 600 человек, поместили в большой барак с нарами в два этажа. И начали мы работать на швейной фабрике, пошивающей обмундирование для командного состава Красной Армии (бушлаты, гимнастерки, белье).

Был конец 1940 года. Над страной сгущались предвоенные грозовые тучи. Приближалась война. Мы это чувствовали во всем: и в плохой однообразной пище, и в строгости режима, и в напряженной работе на фабрике. И вскоре война разразилась. Великая Отечественная.

Работали мы в три смены. Если работница не выполняла нормы, она не получала 400 грамм хлеба. Но мы знали, что работаем для фронта и это давало нам огромную силу.

У нас было развернуто соцсоревнование. После каждой смены подводились итоги работы. У лучших работниц висели красные флажки (они были у большинства).

Мы организовали свой оркестр, свой театр и даже ставили пьесу «Платон Кречет».

В нас жил дух советских людей и когда на электростанции возник пожар, мы, идя в огонь, спасали оборудование, помогали тушить пожар.

На фабрике швейные машины часто выбывали из строя. Специалистов по

ремонту машин не хватало, но я быстро научилась регулировать свою машину и стала помогать швеям, работающим со мной рядом. Работницы попросили вольнонаемную администрацию назначить меня механиком машин. Работая механиком, я не уходила со смены, пока не была уверена в том, что оборудование работает хорошо, а люди заработают 400 грамм хлеба.

Запомнила такой случай: смена закончила пошив запланированной продукции и вынесла ее во двор цеха, чтобы проверить, все ли хорошо сделано. Мы радовались и гордились своей работой. Тихо играли трубы нашего самодеятельного оркестра, а мы проверяли и вкладывали в карманы одежды записки воинам Красной Армии.

Вдруг появился начальник лагеря. Окинув нас взглядом, полным ненависти и презрения, гаркнул: «Кто вам дал право устраивать такой праздник?». Мы ответили: «Мы перевыполнили план для фронта, мы советские люди!». «Какие вы советские люди, крикнул он, вы заключены как члены семей врагов народа!». Народ заволновался. А я по необъяснимому для меня самой душевному порыву, не скрывая своего возмущения, вскочила на бочку и с гневом спросила его: «Кто вам дал право называть и считать нас несоветскими людьми? Наши мужья и мы неповинны не в чем перед Родиной! А если бы даже мы и имели какую-нибудь вину, разве так воспитывают заключенных в нашей стране?». Работницы, плача и обнимая меня, говорили, что я защитила их от произвола и унижения.

Начальник колонии быстро ушел, а на другой день пришел извиняться. Через 3 дня он был смещен с должности начальника колонии. Его сменил Толмачев. Он заявил назначившему его руководству: «Не буду принимать лагерь умирающих, пока не будут приняты мои следующие условия:

1. Ежемесячно проводить вечер стахановцев с ужином и созданием обстановки воли.
2. Сразу для этих людей (т.е. нас) провести поочередно 2-х недельное лечение в профилактории с обилием хлеба (1кг в день), возможного количества мяса и других продуктов питания.
3. По четвергам открывать ворота лагеря и с 12.00 до 17.00 часов предоставлять политзаключенным возможность давать свои вещи освободившимся «пятилеткам», еще приходящим на работу в зону, для обмена на продукты питания (молоко, творог, картофель и т.д.)

Мы, страдавшие цингой, а я пеллагрой, стали понемногу оживать. А сколько человеческого и отцовского тепла дал нам Толмачев. Он спас лагерь от вымирания.

Война продолжалась. Мы все просились на фронт. Нам отвечали: «Вы на

фронте, вы одеваете половину Красной Армии».

Здоровье мое ухудшилось. Я чахла, опухала от недоедания. С дочерью виделась редко. Ей было уже 6 лет, когда меня по состоянию здоровья «активировали» и в июне 1944 года мы с ней вышли на волю. Нас отправили в Томск, там оказались родители мужа и дочь Неля 9 лет, эвакуированная из Киева в начале войны. От них я узнала, что мои родители и сын Юра 10 лет были расстреляны в 1941 году фашистскими извергами в Остре Черниговской губернии, как семья коммунистов. Это были тяжелые вести.

6 страница жизни.

Когда я с ребенком приехала в Томск, явилась в милицию для прописки к родителям мужа, мне было предложено немедленно покинуть Томск (58 статья) и жить где угодно в селах. Снова удар! Тогда я пошла в КГБ и заявила: «Вы меня арестовали, вы и дайте мне работу». И меня направили в Томскую детскую воспитательную колонию для работы механиком машин.

Горько мне было очень. Но надо было жить. Я забрала дочь у стариков и с обеими девочками уехала в Детскую воспитательную колонию № 1 в поселок им. Ф.Э. Дзержинского Томской области.

Снова я начала работать, отдавая все свои знания, силы и материнство мальчикам колонии. Я старалась привить подросткам любовь к нашей Родине, потребность честно жить и трудиться, быть добрыми и чуткими людьми, морально чистыми и стойкими строителями нашего общества. 14 лет работала с детьми с нелегкими судьбами. Очень переживала здесь за детей.

Это была колония «актива», т.е. воровские привычки и традиции тут строго преследовались не только воспитателями, но и «активом», помогающим воспитателям. Этим «активистов» ненавидели и презирали те, кто еще не преодолел в себе дурные привычки. По этой причине часто возникали драки. «Активисты» били тех, кто не выполнял требования «актива». Болезненно переносила я это, беседовала с «ворами» и с «активом». Очень боялась, что такое «воспитание» укрепит в детях жестокость, слепую покорность, боязнь говорить правду.

Для меня было большой радостью видеть, как после моих бесед глаза подростков, не знавших материнской ласки, становились добрее, доверчивее, наблюдать, как они постепенно, незаметно для себя начинают следовать моим советам.

Работать приходилось много часов (не менее 10 часов в день). На фабрике и в поселке я пользовалась уважением и любовью, помогала людям. Меня

выдвигали в местный комитет, на доску почета. Но перестраховщики, опасаясь за свою карьеру, снимали мою фотографию с доски почета, привлекали к партийной ответственности коммунистов, по просьбе которых я разъясняла им основы марксистско-ленинской философии. Но когда надо было подписываться на заем, просили меня первой подписаться на 110 %, тогда мол, подпишутся за мной остальные рабочие.

Я терпеливо переносила это, продолжая чувствовать себя коммунистом, хотя и без партбилета. Тяжелее было видеть, что к моим детям некоторые люди не скрывали своего недоверия. Когда старшую дочь Нелю принимали в комсомол, выступил сын оперуполномоченного и сказал: «Не принимать Нелю в комсомол как дочь врага народа». Так говорить его научил отец. Против этого предложения выступила пионервожатая, которая сказала: «Дети за отцов не отвечают!». Нелю приняли в комсомол.

Как-то дочери спросили меня: «Мама, почему папу арестовали, разве он был плохой, нечестный человек?». Я ответила: «Отец был хороший коммунист, но произошла ошибка о которой вы узнаете, когда подрастете».

Так жили мы в труде, нужде, с маленькими радостями и большими печальями.

В 1955 году Томским областным комитетом КПСС я была восстановлена в партии, получила право на пенсию, но продолжала работать. В 1957 году была переведена воспитателем в детскую воспитательную колонию для девочек.

Я рада и счастлива, что в трудные дни моей жизни в колонии я вырастила и воспитала двух дочерей. Они, их дети заняты сейчас общественно-полезным трудом как инженеры, учителя, врачи, хорошо знают жизнь нашего поколения и ценят его вклад в строительство социализма.

В течение 28 лет до настоящего времени я занимаюсь пропагандистской работой среди рабочих, молодежи, учащихся школ. На общественных началах я работала 13 лет зав. парткабинетом на томской ГРЭС-2, потом на перчаточной фабрике в г. Минусинске – 14 лет.

Общение с рабочими, молодежью, школьниками приносит мне огромную радость, возрождает воспоминания о своей молодости, укрепляет мою убежденность в правоте и непобедимости дела Ленина. Эта убежденность помогла мне сохранить твердость духа в годы моего пребывания в лагерях и тогда, когда я узнала о расстреле мужа С.А. Светова, брата З.И. Фальковича, гибели моих родителей и сына, расстрелянных немецкими фашистами.

Муж и брат посмертно реабилитированы и восстановлены в партии. Я являюсь персональным пенсионером союзного значения, награждена медалью «За боевые заслуги», юбилейной медалью в честь 100-летия со дня

рождения В.И. Ленина, знаком «50 лет КПСС», медалью ЦК ВЛКСМ за пропагандистскую работу среди молодежи и памятным подарком ЦК КПСС в честь 70-летия Великого Октября.

Заключение.

Могут спросить, а надо ли ворошить старое? Надо! Для того, чтобы восстановить правду о честных людях. Надо знать ошибки прошлого, чтобы не допустить их в настоящем и будущем.

Критика и гласность нам нужны как воздух, как часто подчеркивал это Ленин.

Во имя интересов народа наша партия смело и решительно вскрывает ошибки и недостатки в своей работе. В этом ее сила. В этом залог успеха революционной перестройки нашего общества. Эти успехи будут больше и быстрее достигаться, если каждый советский человек будет активно поддерживать курс партии на восстановление ленинского облика нашей страны.

Я счастлива, что имею возможность вести идейно-воспитательную работу среди молодежи, молодых коммунистов, учащихся школ по изучению ленинского наследия. Передавать молодым лучшие традиции народа, партии Ленина. И сколько будет биться мое сердце, никогда не сверну с ленинского пути.

Ветеран КПСС и гражданской войны, персональный
пенсионер союзного значения
Фалькович Мария Иосифовна.
10 сентября 1988 г.

Мой адрес: 662800, Красноярский край,
г. Минусинск, ул. Ботаническая, 43, кв.*
домашний телефон: 2-45-22